

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

AUG 9 1899
CAMBRIDGE, MASS.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХІV.

1899.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	3
А. Васильевъ. Византико-арабскія отношенія въ царствованіе Михаила III (842—867)	1
И. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ последнюю пору стараго порядка (<i>продолженіе</i>)	56
А. Д. Вейсманъ. Забѣтки къ исторіи русскои грамматики	106
Л. В. Рутковский. Критика методовъ индуктивнаго доказатель- ства	128
А. П. Карлубовскій. „Правила лингвистическія“ Аполдоса Вайбакова	189
Н. Я. Марръ. Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія	241

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. К. Истровъ. Одинъ изъ „идеальныхъ“ героев	251
И. Н. Дебольскій. <i>Сергій Шумаковъ</i> . Угличскіе акты (1400 — 1749 гг.). М. 1899	263
— Книжныя новости	267
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Московскій Публичный и Румянцевскій музеи въ 1898 г.	1
И. В. Метребовъ. Чешская Академія Наукъ	6
Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа	18

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О. О. Соколовъ. Въ области древней исторіи	7
М. М. Покровский. Цитаты изъ Вергилія въ латинскихъ глос- саріяхъ	1
А. О. Энцичъ. Изъ области древне-греческой географической оно- матологіи	1
Вяч. Н. Ивановъ. Первая пелійская ода Пиндара	48

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министеротва Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ (л. 27)	417
--	-----

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

За редактора Э. Радловъ.

(Вышла 1-го іюля).

КЪ ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХЪ АРМЕНОВѢДѢНІЯ ¹⁾).

Мм. государыни и мм. государя!

Установленный порядокъ диспута требуетъ отъ меня слова. Въ такихъ случаяхъ обычный предметъ рѣчи—вопросъ о выборѣ темы, но этотъ вопросъ иной разъ способенъ поставить диспутанта въ затрудненіе. Въ мало обследованной области тема, взятая для диссертациі, часто даетъ результаты непредвидѣнные, или диссертантъ при продолжительности собиранія матеріаловъ и ихъ изученія, успѣваетъ создать себѣ новые научные интересы, въ кругъ которыхъ невольно вовлекается также старая тема, и побужденія, натолкнувшія изслѣдователя на мысль объ извѣстной работѣ, въ значительной степени теряютъ почву. Въ такомъ случаѣ диспутантъ или долженъ выдать за первоначальныя побужденія научное настроеніе, овладѣвшее имъ къ концу работы, или откровенно говорить о первоначальныхъ мотивахъ, имѣющихъ значеніе только для него. Вопросъ о выборѣ темы все-же можетъ еще имѣть смыслъ, поскольку съ нимъ стоитъ въ связи своевременность данной работы или потребность въ ней. Но диспутантъ, естественно, всегда окажется расположеннымъ и сумѣетъ найти данную имъ работу своевременною. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе любопытно выслушать мнѣніе другихъ, менѣе заинтересованныхъ, судей. Правда, сегодня, какъ впрочемъ не разъ бывало и раньше, официальными цѣнителями приходится выступать представителямъ иныхъ специальностей, но это нисколько не умалитъ авторитетности ихъ сужденій: насъ раздѣляютъ матеріалы, особые по каждой специальности, но зато

¹⁾ Рѣчь, читанная приватъ-доцентомъ Н. Марромъ передъ защитой магистерской диссертациі „Сборники притчъ Вардана“ въ публичномъ засѣданіи факультета восточныхъ языковъ 23-го мая 1899.

насъ единять общіе въ корнѣ научные интересы и безусловно общіе научные приемы. Если не можетъ быть дана обстоятельная оцѣнка моимъ драгоманскимъ способностямъ въ качествѣ переводчика армянскихъ подлинниковъ, если не можетъ быть указано филологическое и лингвистическое значеніе наданныхъ мною текстовъ для моей же специальности и удостовѣрена степень проявленной мною въ нихъ акриби, то въ книгѣ предложено извѣстное построеніе, и вопросъ о научности его подсуденъ ученому востоковѣду любой специальности.

Мнѣ съ своей стороны хотѣлось бы только коснуться слегка интересовъ, связанныхъ съ арменовѣдѣніемъ, и указать, на какое звено въ ихъ цѣпи отвѣчаетъ моя работа о вардановскихъ сборникахъ. Въ каждомъ специалистѣ предполагается существованіе особыхъ руководящихъ научныхъ интересовъ, объединяющихъ его разрозненные работы. Особые научные интересы армениста вытекаютъ изъ взгляда на арменовѣдѣніе, какъ на самостоятельную науку. Задача этой науки раскрыть условія сформированія армянской національности и выяснить въ исторической послѣдовательности самобытныя ея проявленія, какъ бы они слабы ни были, на томъ общемъ фонѣ политической и культурной жизни Арменіи, который создавался подъ вліяніемъ сильныхъ внѣшнихъ воздѣйствій.

Но какими путями достигнуть того, чтобы распознать біеніе пульса внутренней древнеармянской жизни? Первое условіе—отказаться, если можно такъ выразиться, отъ научныхъ предразсудковъ. Отказаться отъ мысли, что армянское прошлое можно понять съ помощью приемовъ ищухъ, чѣмъ какіе признаны надежными при изученіи болѣе крупныхъ политическихъ и культурныхъ единицъ, отказаться отъ мысли, что сужденія о культурной и политической жизни армянъ въ прошломъ, въ виду ея второстепеннаго значенія, можно составлять безъ специальной подготовки и съ ограниченною освѣдомленностью. Арменія находилась въ такомъ узломъ пунктѣ различныхъ цивилизацій, что только завѣдомая предвзятость можетъ относиться къ ней, какъ къ чистой доскѣ, на которую позволительно наносить любое теоретическое построеніе, не справившись основательно съ письменами, глубоко начертанными уже на ней въ нѣсколько слоевъ.

Безспорно, средства должны быть соразмѣрны съ цѣлью, но разъ единственная прямая цѣль арменовѣдѣнія опредѣляется его научнымъ интересомъ, то не можетъ быть рѣчи о болѣе или меньшей значительности цѣли, какъ нѣтъ по существу разницы между научнымъ

интересомъ, питаемымъ къ крупнымъ, хотя бы притомъ и важнымъ, частямъ даннаго тѣла и къ менѣе значительнымъ его частямъ.

Результаты историческаго изученія человѣчества въ однихъ крупныхъ его проявленіяхъ могутъ дать красивыя картины для эстетическаго наслажденія, могутъ удовлетворять потребности въ переходящихъ теоретическихъ построеніяхъ, но отнюдь не призваны: быть удовлетворительнымъ отвѣтомъ на вѣчный научный запросъ, на непреодолимое стремленіе человѣческой природы къ абсолютной правдѣ, имѣющей отразить въ себѣ жизнедѣятельность всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ въ нелицепріятной гармоніи.

Конечно, существуютъ и побочныя основанія, дѣлающія желательнымъ процвѣтаніе армянистики и родственной съ нею отрасли востковѣдѣнія особенно въ Россіи. Грустно мириться, напримѣръ, съ тѣмъ, что древности Грузіи и Арменіи не находятъ серьезныхъ изслѣдователей въ Россіи, что почти за цѣлое столѣтіе, истекшее по присоединеніи Грузіи и затѣмъ значительной части коренной Арменіи, на Кавказѣ, сплошь покрытомъ обломками различныхъ культуръ различныхъ эпохъ, не основалось прочно ни одного научнаго общества, ни одного научнаго органа мѣстной археологіи или древней письменности или древней исторіи, что на всомъ Кавказѣ и до сихъ поръ нѣтъ фактически ни одного музея древностей.

Совсѣмъ неутѣшительно, что лучшіе труды по кавказской археологіи принадлежатъ французскимъ и нѣмецкимъ ученымъ, наиболѣе цѣнныя работы по армянской лингвистикѣ изданы нѣмецкими и французскими профессорами, исторія и литература Арменіи нашли авторитетныхъ цѣнителей не только въ классической странѣ филологіи, но и во Франціи, Англии и Италіи. Даже элементарными учебниками по армянскому языку и армянской литературѣ насъ успѣваютъ снабжать иностранцы, пока мы въ касающейся насъ наукѣ бездѣйствуемъ изъ равнодушія и только въ печати порываемся именемъ „науки“ горячо засвидѣтельствовать свое высококомѣрное отношеніе къ тому, что намъ невѣдомо. Нужно ли доказывать, что для русскаго государства, не можетъ быть безразличнымъ пониманіе прошлаго народностей какъ бы малы эти народности ни были, разъ онѣ входятъ въ его составъ или силою вещей къ нему тяготеютъ, что русская исторія и археологія, въ частности исторія древнерусскаго искусства непосредственно заинтересована во всестороннемъ выясненіи прошлыхъ судебъ Грузіи и Арменіи, гдѣ культурная жизнь въ значитель-

ной степени слагалась подъ тѣми же восточными и византійскими теченіями, какъ и въ древней Руси. Наконецъ, честь русскаго востоконвѣдѣнія требуетъ, чтобы ему принадлежала руководящая роль въ изученіи по крайней мѣрѣ тѣхъ областей Востока, которыя составляютъ часть самой Россіи.

Я скажу еще болѣе, хотя и съ рискомъ, что въ моихъ словахъ усмотрятъ увлеченіе спеціалиста. Для армянъ и грузинъ въ частности государство имѣетъ основаніе видѣть прекрасное воспитательное средство въ арменовѣдѣніи и въ грузиновѣдѣніи, такъ какъ, безспорно, ими можно развивать и укрѣплять просвѣщенную любовь и уваженіе къ родинѣ, а едва ли кто будетъ оспаривать положеніе, для меня аксіому, что кто безучаственъ къ судьбѣ роднаго края, тотъ не можетъ глубоко воспринять болѣе отвлеченное, болѣе сложное чувство къ отечеству; въ комъ подавлены или заглушены врожденные чувства привязанности къ роднымъ древностямъ и къ роднымъ сказаніямъ, въ комъ эти святые чувства не получили естественнаго развитія еще въ семьѣ или школѣ, въ тѣхъ при полномъ господствѣ въ самомъ обществѣ житейски матеріалистическихъ взглядовъ, не должны удивлять насъ отсутствіе духовныхъ запросовъ и равнодушіе вообще къ гуманистическимъ занятіямъ.

По какой бы системѣ ни воспитывать характеръ, какимъ бы идеальнымъ подборомъ образовательныхъ наукъ ни упражнять умъ, искусственный разрывъ съ роднымъ культурнымъ прошлымъ неизбѣжно ведетъ громадное большинство къ духовному вырожденію. Не пробуждая научнаго интереса къ тому, что близко лежитъ къ сердцу, мы тѣмъ самымъ притупляемъ благороднѣйшій стимулъ самостоятельности, подрываемъ въ корнѣ возможность искреннихъ сознательныхъ симпатій къ колоссальнымъ историческимъ задачамъ нашего обширнаго отечества и дѣло плодотворнаго къ нимъ приобщенія цѣлыхъ народностей. Однако, указанные пункты прикладнаго значенія нашей спеціальности въ лучшемъ случаѣ могутъ расширить кругъ интересующихся ею, но они не измѣняютъ нисколько положенія дѣла съ научной точки зрѣнія. Для ученаго потребность въ арменистикѣ вытекаетъ изъ самаго существа ея. Изъ того, что арменовѣдѣніе есть самостоятельная ориенталистическая наука. Эта самостоятельность впрочемъ, должна еще быть завоевана, такъ какъ армянисты, если и чувствуютъ потребность въ извѣстной независимости, обыкновенно не возводятъ этого чувства въ степень ясно сознаннаго руководя-

ицаго начала. Между тѣмъ, только при такомъ сознаниі арменовѣдѣніе становится наукою и притомъ наукою, располагающею услугами ряда другихъ филологическихъ наукъ.

Арменовѣдѣніе не можетъ обосноваться на одной филологіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Археологія съ ея служебными дисциплинами и этнографія съ фольклоромъ отнюдь не менѣе должны интересоваться армениста, чѣмъ лингвистика и литература.

Временная трудность, скажу болѣе, рискованность научнаго положенія армениста состоитъ именно въ томъ, что пока при наличности немногихъ рабочихъ силъ ему приходится самому принимать непосредственное участіе въ разработкѣ касающихся его отдѣловъ одновременно нѣсколькихъ специальныхъ наукъ. Въ свою очередь ни у одной изъ подразумеваемыхъ специальныхъ наукъ не можетъ оказаться прочныхъ успѣховъ въ изученіи матеріаловъ, открываемыхъ на армянской почвѣ, безъ руководящихъ началъ, ожидаемыхъ отъ арменистовъ. Можно питать глубокое уваженіе къ лицамъ, посвяленно трудящимся надъ лингвистикою, археологіей и фольклоромъ Арменіи безъ непосредственнаго и основательнаго знанія ея языка, литературы и жизни, но до сихъ поръ не представлялся случай, чтобы относиться къ результатамъ ихъ работъ безъ большой дозы скептицизма.

Какъ же быть иначе, когда, папримѣръ, неожиданно для догматической лингвистики, спокойно занятой научнымъ выясненіемъ мѣста армянскаго языка въ кругу индо-европейскихъ съ помощью извѣстнѣйшихъ готовыхъ звуковыхъ законовъ,—въ армянскомъ языкѣ вскрывается коренной слой, роднящій его съ сосѣднимъ грузинскимъ языкомъ и вліявшій, конечно, на дифференціацію дѣйствительно сильнаго въ немъ, интересующаго всѣхъ, арийскаго слоя, или когда грузинскій языкъ, научно признанный не находящимся въ родствѣ ни съ индо-европейскою, ни съ семитическою семьею языковъ, фактически оказывается въ безусловно генетическомъ родствѣ съ семитическими языками. Съ другими специальными науками дѣло обстоитъ не лучше. Такъ въ частности похвальныя усилія въ чтеніи ванскихъ клинообразныхъ надписей, нѣмыхъ свидѣтельствъ древнѣйшей исторіи Арменіи, при всей научной обстановочности, не перестанутъ снабжать насъ камнемъ вмѣсто хлѣба, пока изслѣдователи клинообразныхъ надписей не вооружатся дѣйствительнымъ знаніемъ мѣстныхъ языковъ и дѣйствительнымъ пониманіемъ мѣстныхъ древностей. „Среда мѣстныхъ древностей“, какъ справедливо замѣтилъ недавно выдаю-

щійся знатокъ древне-русскаго искусства, „должна освѣтиться собственнымъ внутреннимъ свѣтомъ знанія“.

Изъ тождественнаго положенія приходится исходить и при изученіи древнеармянской литературы. Совершенно не пріемлемъ взглядъ, негласно сказывающійся въ работахъ арменистовъ, будто древнеармянская литература представляетъ случайную коллекцію памятниковъ, имѣющую цѣнность постольку, поскольку въ нихъ нуждаются представители другихъ филологическихъ наукъ. Соглашаясь вполне съ тѣмъ, что переводы древнихъ армянъ восполняютъ значительныя пробѣлы въ литературахъ сосѣднихъ народовъ, въ то же время нужно настаивать на томъ, что пользованію даже древнеармянскими переводами въ научныхъ цѣляхъ должно предшествовать освѣщеніе ихъ съ точки зрѣнія исторіи древнеармянской литературы; въ этой исторіи переводные памятники являлись выразителями опредѣленныхъ мѣстныхъ теченій, которыя могутъ помочь не только въ установленіи даты переводовъ, рѣдко извѣстной и еще рѣже вѣрно извѣстной, но и въ объясненіи уклоненій армянскихъ текстовъ отъ ихъ оригиналовъ.

Взглядъ на арменовѣдѣніе, какъ на самостоятельную науку съ своими собственными задачами, освобождаетъ насъ между прочимъ и отъ односторонности, — отъ изученія въ армянской литературѣ исключительно историковъ. Армянскіе историки получили преимущественную извѣстность только потому, что въ доставляемыхъ ими свѣдѣніяхъ нуждались спеціалисты по исторіи, естественно, торопившіеся воспользоваться новыми армянскими источниками. Изученіе историческихъ сочиненій, какъ и другихъ спеціальныхъ родовъ армянской письменности, должно быть поставлено на почву ихъ взаимныхъ литературныхъ соотношеній и подведено подъ арменистическій уголъ зрѣнія. Для выработки арменистическаго угла зрѣнія недостатка въ дамкихъ ибѣтъ. Внутренній міръ древней Арменіи отнюдь не представляетъ гладкой поверхности стоячей воды. Арменія внутри жила съ интенсивностью, поразительной для насъ, усвоившихъ созданное западно-европейскимъ тщеславіемъ ходячее мнѣніе о неподвижности восточныхъ народовъ. Правда, темпъ армянской жизни ускорился подъ влияніемъ ви́шнихъ факторовъ, но наличность особыхъ мѣстныхъ условій и ихъ реагирующая на ходъ событій роль не можетъ подлежать сомнѣнію.

Нельзя же не считаться изслѣдователю древней Арменіи съ такими фактами, какъ сліяніе въ армянской національности двухъ основ-

ныхъ расовыхъ теченій, одного—арійскаго и другаго родственнаго семитическому, именуемаго мною яфетидскимъ, взаимодействіе многочисленныхъ армянскихъ племенъ и сопутствовавшихъ имъ діалектическихъ разновидностей, переживанія двухъ, одинаково родныхъ до-христіанскихъ культуръ, мѣстной, стоящей въ связи съ клинообразными надписями, и вносной, иранской, аристократическiй родовой строй жизни, тормозившій утвержденіе въ Арменіи сильной свѣтской власти, экономическо-культурное значеніе армянскихъ городовъ, какъ напримѣръ Ани, подолгу остававшихся національными и по переходѣ ихъ въ руки завоевателей, постепенный упадокъ аристократическаго уклада и вырожденіе землевладѣльческой знати, возвышеніе другихъ общественныхъ типовъ съ образованіемъ или выступленіемъ на арену новыхъ классовъ, паденіе національнаго духа и эмиграціонное движеніе части армянскаго населенія, какъ результаты воцарившагося въ Арменіи курдскаго, татарскаго, турецкаго варварства и вызваннаго имъ экономическаго кризиса, смѣна могущественныхъ жрецовъ христіанскимъ духовенствомъ, усиленіе послѣдняго и приспособленіе его по очереди къ каждой внутренней, въ частности сословной эволюціи, сосредоточеніе просвѣщенія и національной мысли въ богато надѣленныхъ монастыряхъ, получившихъ широкое развитіе, позобладаніе церкви, подготовлявшее низведеніе національности въ религіозную общину, систематическiй разгромъ матеріально цвѣтущихъ монастырей инороднымъ и иновѣрнымъ пришлымъ элементомъ, зачатки обратнаго свѣтскаго движенія, возникшаго въ низшихъ народныхъ слояхъ и въ колоніяхъ, наконецъ, неизбѣжная своеобразность скрещивавшихся въ такой средѣ различныхъ занесенныхъ извнѣ мировоззрѣній и отражавшихся въ ней внѣшнихъ политическихъ событий.

Не говоря о другихъ, перечисленные характерныя явленія армянской жизни достаточно любопытны, чтобы слѣдить шагъ за шагомъ за, хотя бы самымъ слабымъ, отложеніемъ ихъ въ письменности.

Однако, при всей основательности желанія удѣлить мѣстнымъ тенденціямъ господствующее значеніе въ исторіи древнеармянской литературы, къ нимъ будетъ возможность подступитъ лишь по отвлеченіи всего того, что вносилось въ нее извнѣ. Но и здѣсь намъ нужны не одни статистическія данныя о заимствованіяхъ; намъ нужна прагматическая исторія переводовъ на древнеармянскiй языкъ съ указаніемъ путей, какими они входили въ нее, условій, благоприятствовав-

шихъ такому, а не иному выбору, и потребностей, какимъ они были призваны удовлетворить.

Три литературныя течения — сирійское, византійско-эллинистическое и національное, представляющія три момента въ развитіи древне-армянской литературы, должны получить свое первое обоснованіе на указаннаго характера изученіи армянскихъ переводныхъ памятниковъ. Самое древнее, сирійское теченіе, представляетъ наиболѣе трудную для разрѣшенія задачу, но для этого вопроса мы находимъ неожиданную помощь въ солидарности древне-грузинской литературы съ древне-армянскою въ извѣстное время, когда новообращенные армяне и грузины жили въ сферѣ тождественныхъ религіозныхъ интересовъ, исходившихъ изъ Сиріи безо всякой политической окраски и потому щедро дававшихъ жизнь мѣстной письменности. Начало вліянія армянской литературы на грузинскую, по всей вѣроятности, положено въ этотъ явное періодъ съ момента перевода св. Писанія съ армянскаго на грузинскій языкъ, и разысканія въ области переводовъ съ армянскаго языка на грузинскій, а ргіогі можно утверждать, окажутъ обратную услугу, бросивъ свѣтъ на начальный періодъ армянской письменности.

Конечно, результаты такого документальнаго изученія древнѣйшей эпохи армянской литературы не позволятъ и впредь придерживаться современнаго представленія о внутренней жизни древнихъ армянъ, основаннаго въ значительной степени на легендахъ. Но тѣ же результаты не позволятъ намъ огуломъ отбросить всѣ армянскія литературныя и историческія преданія, такъ какъ они дадутъ и уже даютъ возможность совлечь легендарныя наслоенія, своего рода научныя освѣщенія позднѣйшихъ эпохъ, съ дѣйствительныхъ фактовъ, составляющихъ зерна тѣхъ преданій. Сами легендарныя наслоенія получаютъ значеніе культурно-историческаго матеріала для характеристики эпохъ, когда они возникали. Легендарныя преданія армянъ, какъ оказывается при провѣркѣ, сохранили намъ любопытнѣйшія данныя, и наша задача не отрицать ихъ, а объяснять. Конечно, время ихъ окончательной формулировки значительно удаляется отъ описанныхъ въ нихъ событій. Извѣстная доля въ созданіи легендъ, несомнѣнно, принадлежитъ среднимъ вѣкамъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ не ограничивать интереса къ армянской литературѣ древнимъ ея періодомъ.

Оставленіе въ тѣни умственной жизни армянъ въ средніе вѣка

придаетъ многимъ явленіямъ древне-армянской литературы характеръ загадочности, отчасти объясняющій сказавшіяся въ послѣднее время печальныя крайности отрицательной критики. На средніе вѣка принято смотрѣть, какъ на періодъ безжизненнаго консерватизма, когда занимались лишь сохраненіемъ завѣщанныхъ отъ предшествовавшихъ поколѣній идей. Дѣйствительно, среднимъ вѣкамъ и обязаны мы почти исключительно дошедшими до насъ списками памятниковъ древне-армянской литературы. Но тогда же внесены въ письменность многія новыя жизненныя начала.

Въ средніе вѣка заботились не только о списываніи древнихъ памятниковъ, но и о возможно большемъ распространеніи ихъ въ народѣ, и большей доступности ихъ пониманію всѣхъ грамотныхъ; въ связи съ этимъ явленіемъ находится выработка болѣе легкихъ видовъ армянскаго письма; въ связи съ тѣмъ же явленіемъ находится сближеніе завѣщаннаго книжнаго армянскаго языка съ разговорною рѣчью. Въ средневѣковой армянской письменности вскрываются значительныя слѣды попытокъ къ совершенному обновленію литературнаго языка и устарѣвшей орфографіи.

Въ то же время армянской литературѣ, получившейся въ итогѣ трехъ теченій—сирійскаго, византійско-эллинистическаго и національнаго, было дано новое направленіе, усилившее въ ней свѣтскіе и національные элементы. Вышними виновниками этого направленія явились два цикла новыхъ идей, внесенныхъ, съ одной стороны, путемъ общенія съ Европой при посредствѣ Киликіи и Крыма, съ другой—изъ мусульманскаго міра, преимущественно, какъ онъ сложился на полуродственной иранской почвѣ. Все это способствовало переходу литературныхъ интересовъ изъ тѣснаго круга духовенства и родового сословія, постепенно исчезающаго въ Арменіи, въ другіе, отчасти вновь нарождавшіеся слои общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличенію въ народѣ грамотности. Новый, болѣе обширный кругъ читателей предъявилъ свои особые запросы къ литературѣ, и появились новыя памятники или новыя редакціи старыхъ памятниковъ, удовлетворявшіе этимъ запросамъ. Эти и другія подобныя явленія умственной жизни армянъ въ средніе вѣка придаютъ ей цѣну, не зависящую отъ вопросовъ, возбуждаемыхъ памятниками древне-армянской письменности. Средневѣковая армянская литература представляетъ самостоятельный научный интересъ.

Однимъ изъ памятниковъ этой любопытной эпохи является пред-

метъ моей диссертациі, такъ-называемые „Сборники притчъ Вардана“, корнями стоящіе въ связи съ древне-армянскою литературою, но стволomъ и вѣтвями принадлежащіе позднѣйшимъ временамъ.

На листкахъ положеній предложены тѣ выводы, къ которымъ привела меня работа надъ названными сборниками. Въ представленной на сегодняшній судъ книгѣ дано послѣдное обоснованіе этимъ выводамъ.

Н. Марръ.